

Рисунки в № 2 и 3 Настасьи Поповой

— Верно, верно, Берег Скелетов — очень экзотический район Намибии, протянувшийся по всей ее северной части, но туда можно попасть только по специальному разрешению и с серьезной охраной, там туристам делать нечего! Кстати, как раз там я чуть и не погиб! Среди песчаных дюн залива Терра-Бей разбросаны десятки скелетов-остовов разбившихся кораблей, куда по ночам заходят серьезные хищники. Вот одного такого заблудшего льва и убил охранник моей киноэкспедиции. Интересно, что он был масаи из соседней Танзании. А как известно, масаи — лучшие африканские воины. Они высокие, очень быстрые, способны прыгнуть с места в высоту больше чем на метр, вооружены копьем и специальным молотком из черного дерева. В восемнадцать лет юношу отправляют в буш с таким молотком на льва, и если юноша добывает зверя, то его посвящают в воины. Вот такой воин из моей охраны и убил льва, а потом

жареным мясом царя зверей, из лучших побуждений, попытался накормить пол съемочной группы. К счастью, я сам и еще двое моих операторов, прожевав кусок львиного, вонючего и жесткого, как подошва, мяса, выплюнули его и прополоскали сразу рот водой, поэтому отделались только рвотой и расстройством желудка. А вот двое других наших ребят проглотили по куску этого экзотического блюда. После часовой непрерывной рвоты они потеряли сознание и в санитарном самолете, доставлявшем их по пути в военный госпиталь во Франкфурте, умерли спустя четыре часа, так и не придя в сознание, несмотря на все принятые современной медициной меры. Кстати, я сейчас покажу вам это оружие масаи, которым они в прыжке пробивают череп льва. — Хозяин дома встал, подошел к шкафу и достал оттуда странную конструкцию: из головки в форме маковки, размером с женский кулак, почти под

прямым углом выходила ручка длиной около полуметра, украшенная резным орнаментом.

— Возьми в руки, Иван. Чувствуешь, какой он легкий? Такие молотки делают только шаманы племени масаи из цельного куска черного дерева, причем в течение восьми лет, нанося на ручку специальный орнамент воина. Оружие, как правило, передается от отца к сыну и считается семейной реликвией. Длина ручки приблизительно равна длине бедра взрослого воина.

— Ну конечно! — воскликнул Иван Михайлович. — А я-то думаю, что же мне это напоминает?! Этот, как ты его называешь, молоток по форме и размеру практически идентичен бедренной (может, берцовой?) кости мужчины! Скорее всего, когда-то бедренные кости погибших воинов-масаи использовались в качестве оружия для охоты на львов, а позже оружие такой же формы стало вытачиваться из самого прочного черного дерева.

Африка полна мистики до сих пор! Мне рассказывали мои друзья-врачи, работавшие в Африке, что во многих племенах до сих пор считается, что если съест мясо льва, то воин становится храбрее. А если в племени родится альбинос, то все племя ждет огромная удача, и воины охраняют этого альбиноса днем и ночью. Поскольку все остальные племена стараются его выкрасть и съесть! Да, да! Не делайте такие круглые глаза, друзья, именно съесть. Так как аборигены искренне верят, что если больной человек, у которого страдает, например, печень, съест кусочек печени альбиноса, то он выздоровеет, — поделился своими сведениями об Африке Иван Михайлович.

— Фу, мальчики! Прекратите рассказывать страшилки, а то мне сейчас плохо станет! Лучше что-нибудь веселое, — перебила мужчин Белла и отпила из бокала красного вина.

— Вот, пожалуйста, анекдот на ту же тему, — моментально нашелся маэстро и пристально посмотрел на Беллу. Ему казалось, что он встречал эту хрупкую женщину раньше, только тогда она не была седой. — Итак, в африканском племени, деревня которого была расположена недалеко от христианской миссии, родился белый ребенок. Племя решило, что женщина, родившая белого ребенка, не была верна своему мужу, и решило ее наказать. Тогда миссионер пошел к вождю племени и стал ему объяснять, что в природе бывают исключения. «Вот смотри, вождь, — сказал миссионер, — рядом с деревней пасется стадо баранов. Все бараны с белой шерстью, а один с черной! Это природа! Так бывает!» Вождь пристально посмотрел в глаза миссионеру и ответил: «Хорошо,

давай договоримся! Ты никому не расскажешь про черного барана, а я спасу белого ребенка и его мать!»

Все дружно рассмеялись.

— Вот смотрю я из окна на этот замечательный парк, где люди бегают, танцуют, сидят на траве, отмечают какие-то семейные торжества. Этот парк для людей, тут они могут жить, радоваться, чувствовать себя совершенно свободно, действительно соприкасаться с природой, здесь не обязательно ходить только по дорожкам и любоваться на клумбы и деревья издали. А помнишь парк Горького, где мы встретились? — спросил Иван, но тут же Белла толкнула его под столом ногой.

«Определенно, я общался с этой женщиной раньше», — в очередной раз подумал Джон.

— Парк Горького напоминал нам тогда этакого строгого военного садовника, застегнутого на все пуговицы, — продолжал Иван Михайлович. — Хотя мир стремительно меняется...

— А скажите, Джон. — Белла испугалась, что Иван все же проговорится об их «маленьком обмане». — А были ли у вас фильмы, сюжет которых начинался именно в парке?

— Да, у меня есть такой фильм. К сожалению, по независящим от меня причинам я не могу его пока закончить. Хотя этот фильм очень важен для меня. И кажется, пора его наконец-то смонтировать, — сказал маэстро и зажег на столе свечи.

Смеркалось, электричество включать не хотелось. Ночной Манхэттен был прекрасен.

— А может быть вы, Джон, расскажете об этом фильме, мне нравится, как вы описываете различные события, — попросила Белла.

— Хорошо, я попробую. Желание гостя — закон для хозяина. Я даже принесу альбомы с фотографиями. Старая привычка — делать фото из зацепивших меня кадров. Потом я раскладываю их на полу в студии, долго на них смотрю, перекладываю, выстраиваю некую картину, которая вызывает у меня чувство удовлетворения и удовольствия. И только потом уже из этой фотомозаики у меня рождается окончательный сценарий фильма, — проговорил Джон, встал и вышел в соседнюю комнату.

15. НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ФИЛЬМ

Джон вернулся к своим друзьям, толкая перед собою тележку, на которой лежали альбомы и фотографии. Маэстро удобно устроился в кресле и начал рассказ.

— Весной 1968 года я гулял по многоярусным улочкам района Рашен-Хил в Сан-Франциско. Я люблю бывать в этом городе всегда, но особенно ранней весной, когда Нью-Йорк еще пронизывает холодный ветер, а во Фриско уже все цветет и благоухает. Устав взбираться на Русскую горку, я забрел в парк и опустился на скамейку понежиться на солнышке. Недалеко от меня, на такой же скамейке, сидели трое молодых парней в военной форме. Рядом с ними были прислонены костыли. Ребята о чем-то разговаривали, смеялись, счастливо подставляя лица солнцу. Вдруг я обратил внимание на громкий смех, крики, звон бубна. Через парковую поляну, по направлению к отдыхающим военным, двигалась группа длинноволосых парней и девушек, человек двенадцать, одетых в рваные джинсы, разноцветные, полинялые

свитера и майки. Они окружили скамейку с солдатами и начали их оскорблять.

— Свињи, — выкрикивали они, — вы — позор страны, вы убиваете и сжигаете невинных женщин и детей! Вон из Вьетнама!

Потом они достали из своих рваных сумок тухлые яйца и пузырьки с краской и начали швырять их прямо в лица военным. Один из солдат сжал кулаки, вскочил и сделал шаг навстречу хиппи,

той майке. — У тебя-то есть протезы, а вот сколько безногих вьетнамских детишек ползают без них! Мы тебя туда не посылали!

Вдалеке появилась конная полиция, и «прекрасные люди» бросились врассыпную. Двое других солдат, опираясь на костыли, подошли к товарищу, помогли ему подняться и сесть на скамейку. Он сидел, обхватив голову руками, и плакал: «Я же мир защищал, демократию, присягу давал! За что

вали от американского правительства прекратить демобилизацию наших братьев на войну во Вьетнаме. Но там был протест против политики властей, а здесь прямое столкновение тех, кто побывал в аду, и тех, кто их проклинал за это пребывание там. И я напросился с группой военных армейских медиков в военно-морской госпиталь в Дананге. Я летал с ними на военных санитарных вертолетах в джунгли южного

но не удержал равновесия и упал. При падении его брюки задралась, и я увидел, что у парня были протезы на обеих ногах.

— Ты думаешь, нам тебя жалко?! — кричала почти в лицо упавшему парню девчонка в жел-

они меня так ненавидят? Знали бы эти молокососы, какой там ад!»

Я был потрясен этой сценой. Ведь я сам принимал участие в «Походе на Пентагон» в октябре 1967 года, когда почти сто тысяч человек требо-

Вьетнама, видел сотни раненых американских парней с оторванными руками и ногами, которые шептали и кричали в бреду: «Крысы, крысы, вьетконговцы как крысы, выскакивают из своих нор, они повсюду!» Это была

страшная полицейская война, в которой американская армия, защищая законное правительство Вьетнама, воевало против народа, в ней и «вьетнамские партизаны» почти не брали пленных, а если и брали, то пытали и мучили их так изощренно, что многие из пленных американских солдат сходили с ума. Вертолеты же с красными крестами «борцы за свободу» расстреливали из ракет в первую очередь. С тех пор я не выношу запаха риса, поскольку услышать или увидеть вьетнамских партизан в джунглях было невозможно, их можно было только учуять по запаху риса, который они ели.

Вот в этом альбоме мои фотографии с той войны, — сказал Джон и передал Ивану альбом. — После этой поездки я больше не снимал войну, а значительную часть своих гонораров начал отправлять в военный госпиталь в Сан-Антонио, штат Техас, для протезирования и оказания помощи ветеранам Вьетнама. Однако в 2005 году мой старинный друг Стив... Помнишь его, Иван, еще по фестивалю в Москве? — спросил Джон и, увидев удивленные глаза Ивана, продолжил, не дожидаясь от него ответа: — По глазам вижу, не помнишь, да и немудрено, 56 лет прошло с того лета! Так вот, Стив предложил мне слетать на военную американскую базу в Афганистане и сделать фильм о рейдах американского спецназа по уничтожению коридоров наркотрафика в северных частях Афганистана, граничащих с республиками бывшего СССР. И я, старый дурак, а было мне тогда 72 года, поперся в поход за сенсацией, но через пару дней нагрузки не выдержал и получил инфаркт.

Вертушка эвакуировала меня в американский воен-

ный госпиталь недалеко от Кабула. И пока я там приходил в себя и ждал специального санитарного транспорта в США, я познакомился со многими ранеными сержантами и офицерами. Расспрашивал их о спецоперациях в провинции Кандагар, где были наиболее сильны позиции движения «Талибан» и наркодельцов. И тогда Стив меня познакомил с удивительным парнем, который в качестве военного медика принимал участие во многих спецоперациях. Звали его Айван Гур, ему было 25 лет. Он хотел стать военным хирургом, после окончания колледжа подписал контракт на военную службу и добровольно пошел в Афганистан. Но что самое интересное, он был американцем русского происхождения. Родился в Москве и очень маленьким со своей семьей приехал в США, поселился в Нью-Джерси. Свою контузию он получил в последнем походе в горы Кандагара, недалеко от пакистанской границы. Спецгруппа, в состав которой он входил, напоролась там на засаду талибов. В бою он был сильно контужен и потерял сознание. А когда очнулся, понял, что ему очень повезло — голова была цела, а руки и ноги свободны. Взрывной волной его забросило в пещеру, но вход в нее теперь был завален тяжелым обломком скалы. Он включил фонарь и увидел, что прямо напротив него стоит кобра, раздувшая свой капюшон. Дальше кобра повела себя очень странно. Она опустилась и поползла, потом остановилась и опять раздула капюшон. Айвану показалась, что змея его куда-то хочет привести, и он пополз за ней. Кобра вывела его в достаточно большую пещеру, где он мог встать в полный рост. Айван огляделся по сторо-

нам и увидел, что все стены пещеры усыпаны красными божьими коровками. Это было хорошим признаком: значит, где-то рядом выход наружу. Он стал искать этот выход и обнаружил четыре скелета, одетые в советскую военную форму. Судя по полустлевшим бурым бинтам, все они были тяжело ранены и не дождались помощи от своих. Айван обыскал солдат в надежде найти солдатские жетоны, но ничего не нашел, и только в нагрудном кармане у одного из них он обнаружил маленькую фотографию девушки.

В свете армейского фонаря с фотографии на американского сержанта смотрело лицо его юной матери. Этого не могло быть, ведь он с детства помнил этот снимок! Айван никогда не видел своего отца, но знал, что тот студентом-медиком добровольцем пошел воевать в Афганистан и пропал без вести еще до его рождения. Потрясающе, сын в составе американской армии пошел воевать в Афганистан, чтобы через двадцать пять лет найти своего погибшего отца на той, другой, советской Афганской войне!

Он обнаружил выход из пещеры, вытащил скелеты советских солдат и услышал приближающийся шум вертушки. Его нашли. И когда Айван рассказал обо всем пилоту вертолета, тот сам предложил забрать останки советских солдат на базу. Всех четверых похоронили на территории американской базы с военными почестями. Я так был потрясен этой историей, что попросил Айвана познакомить меня со своей семьей. Я хотел снять фильм об американском парне, который пришел на войну, чтобы найти и похоронить своего отца. Айван сперва согласился, но потом через несколько дней сказал, что у него тяжело больна мать и он улетает

ет в отпуск в Нью-Джерси. Так он мне больше и не позвонил. Да, а вот и фотография его матери, которую он нашел в пещере, сам Айван и могила его отца, — закончил Джон и протянул Белле альбом, с первой страницы которого на нее смотрела ее дочь Яна, совсем еще юная и счастливая. А дальше шла фотография любимого внука Ванечки, одетого в пятнистую военную форму.

— Простите нас, Джон, пожалуйста, за наш невольный с Иваном обман и за ваш незаконченный фильм, — шепотом проговорила Белла и вытерла ладонью слезы.

— О чем вы говорите, Надя? Я вас не понимаю, — удивился Джон, сам немного уставший и взбудораженный от своего рассказа.

— Дело в том, что это я запретила Айвану дальше общаться с вами! Не перебивайте меня, Джон, иначе я сейчас встану и уйду! — резко сказала Белла, видя недоумение на лице Кора. — Когда Ванечка прилетел из Кабула и рассказал мне, что нашел в горах Кандагара своего отца и что знаменитый документалист Джон Кор, с которым он познакомился в госпитале, предлагает снять фильм о его семье, я попросила его отказаться от этого предложения — хотя бы на время. Его мать, Яна, моя дочь, тогда действительно умирала от рака, ей кололи большие дозы наркотиков, и она уже мало кого узнавала. Ваня успел попрощаться с матерью, и через три дня она умерла.

На похороны Яны прилетел Иван Герцев, я рассказала ему, что Ваня нашел своего отца и его сына Михаила Герцева в горах Кандагара. Потом Иван с Ванечкой вместе летали на могилу Миши и установили там табличку на русском

языке: «Гвардии старший сержант Михаил Иванович Герцев. 1958–1980 гг.». Не молчи, Иван, подтверди мои слова, скажи же что-нибудь. — Белла Марковна спрятала под столик дрожащие руки. — Джон, я не Надя, я не жена Ивана, я Белла. Помните полуобритую наголо испуганную девочку с рыжими, как апельсин, волосами, которую вы с Иваном спасли от дружинников в парке Горького в Москве в июле 1957 года? — выдавила из себя Белла, наконец-то набравшись храбрости.

— Я так и чувствовал, думал, что я вас знаю, причем знаю давно и близко! Белла, что же ты не нашла меня, ты ведь так давно, как я понял, в США? А теперь, Иван, рассказывай все по порядку, а то у меня голова идет кругом! — попросил друга хозяин дома, налил себе полстакана виски и выпил залпом. — Фу, полегчало, говори!

— Да все очень просто, Джон! Белла родила в середине апреля 1958 года девочку и назвала ее Яной, а у меня летом того же года появился сын, Михаил. И мою жену, как ты сам сказал, действительно зовут Надей. Яна и Миша полюбили друг друга, но пожениться не успели. Мой сын приостановил учебу в медицинском институте и добровольцем ушел служить военным фельдшером в Афганистан. Боялся, что войны на его век не хватит, хотел стать военным хирургом, как его дед и прадед. В 1980 году он пропал без вести. Тогда же у Яны и родился сын, которого в честь меня назвали Иваном. А через год Белла вместе с дочерью Яной и внуком Иваном переехали на постоянное место жительства в США. Ну а все остальные вопросы к Белле, — лаконично

изложил хронологию событий Иван Михайлович.

— Белла, а кто отец Яны? — прямо глядя в глаза гостьи, спросил Кор. — Говори немедленно, а то я сейчас, кажется, умру. Сердце ухнуло куда-то!

— Ты, Джон, отец Яны и дед Айвана! А теперь сам решай, будешь ли ты доснимать свой незаконченный фильм! — выдохнула Белла.

— Какой, к черту, фильм! Когда у меня есть внук и, может быть, будут правнуки! А почему он Айван Гур, а не Герцев? — совсем разволновался маэстро.

— Просто моя фамилия Гурвич, Белла Гурвич, и дочь моя Яна Гурвич, а когда мы получали американское гражданство, то для удобства сократили свои фамилии, поэтому у Айвана фамилия Гур. Так что, Джон, я живу в США более тридцати лет, в Нью-Джерси, совсем рядом с тобой. Работала здесь, как и в Москве, переводчиком, а сейчас пишу остросюжетные романы, — объясняла Джону, немного успокоившись, Белла.

— Да, похоже, твой последний приключенческий роман, Белла, особенно удался! — попытожил Иван.

— Ребята, а давайте завтра махнем в Париж к Айвану. Повидаемся, обнимемся. Я так счастлив, мне необходимо увидеть внука! — предложил Джон.

— Хорошо, я согласна, только давай я вначале его предупрежу, — улыбнулась Белла.

— А я завтра, ребята, улетаю в Москву. Надежда меня заждалась в Никольском, да и виза у меня шенгенская закончилась. Это вы, американцы, птицы свободные, летаете куда хотите, но только до границы России, — пошутил Иван Михайлович, поднимаясь из-за стола.

Вот так, дорогой читатель, закончилась эта удивительная история трех друзей, начавшаяся в июле 1957 года в московском парке имени Горького.

Судьбы их не просто переплелись, они дали новый живой побег, имя которому Айван Гур. Возможно, и зеркальные близнецы когда-либо преодолеют

разделяющую их черту и поймут, что миром все-таки правит любовь.

США

